

³ Гл.: Сцяцко П. У. Народная лексика і словаўтварэнне.— Мінск, 1972, с. 25; Лексика Полесья: Матэрыялы для полесскага дыялектнага слоўваря.— М., 1968, с. 141.

⁴ Гл.: Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка.— М., 1959, т. 1, с. 15.

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ

**РИТОРИКА МАКАРИЯ 1617—1619 ГОДОВ
В КНИЖНО-ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ
ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА
(в связи с публикацией памятника)**

В истории восточнославянской филологической традиции церковнославянская Риторика Макария 1617—1619 годов занимает особое место в силу своеобразия своих нормативно-кодифицируемых функций. Памятник известен по описаниям А. Х. Востокова, архимандрита Саввы, В. А. Погорелова, А. И. Соболевского, Д. С. Бабкина¹. При этом Соболевский указывал наибольшее число списков — семь. Глава из Риторики по трем спискам напечатана В. П. Вомперским в приложениях к исследованию о стилистической теории Ломоносова². В 1980 году Р. Лахманн опубликовала факсимильную репродукцию всей Риторики, а также исследование памятника³.

История сложения Риторики остается неясной. Востоков видел в ней перевод с польского. Соболевский, характеризуя церковнославянский язык памятника как «правильный и ясный, без полонизмов и западнорусизмов» (отмечая вместе с тем и польские формы: *Ликунуиушъ* и др.), допускал непосредственный латинский источник памятника. Позже на это мнение опирались Д. С. Бабкин, В. П. Вомперский. Отмечая полонизмы, хотя и немногочисленные, Р. Лахманн считает Риторику переводом с польского оригинала, восходящего к латинскому источнику. По мнению исследовательницы, язык памятника не позволяет говорить об обычном для культурно-языковых влияний XVII века западнорусском посредничестве.

Составителем Риторики Д. С. Бабкин считал архиепископа Вологодского Макария, впоследствии митрополита Новгорода и Великих Лук. Атрибуция основана на заключительной записи в копии памятника 1623 года: «С книги пресвященного митрополита Макария богоспасаемых градов Великаго Новаграда и Великих Лук» и на сведениях о том, что в 1617—1619 годах Макарий преподавал риторику в Вологде. Р. Лахманн не считает атрибуцию доказанной и более осторожно говорит о «так называемой Риторике Макария» и о «приписываемой Макарию риторике».

Исследователи по-разному трактуют отношение Риторики Макария к языковой практике начала XVII века; еще в большей мере проблематичен вопрос о кодифицирующей роли Риторики Макария и ее влиянии на развитие стилистических теорий в Московской и Западной Руси. Д. С. Бабкин, В. В. Виноградов, В. П. Вомперский рассматривали Риторику Макария как отражение объективных процессов стилистической дифференциации русского литературного языка. Подчеркивая значение заключительного раздела Риторики «О тройных родах глаголанія», В. В. Виноградов считал градацию *смирного, мерного* и *высокого* «глаголанія» свидетельством того, что «в русском литературном языке второй половины XVI — начала XVII века уже обозначились общие контуры системы трех стилей, трех «родов глаголанія»⁴. Р. Лахманн считает, что некоторые принципиальные черты языковой ситуации начала XVII века на Руси не позволяют видеть в Риторике Макария отражение или осмысление данной языковой ситуации. Та система риторических категорий, которая содержится в учебнике Макария, была сформирована иной культурно-языковой средой. Европейская риторика, возникшая во времена софистики и ставшая классической в тео-

риях красноречия Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана, сложилась как интегрирующая и унифицирующая концепция — риторическая концепция единой культуры и соответствующего ей одноязычия. Классическая европейская риторика стремилась к усилению языковой монолитности культуры. Охватывая все возможные ситуации, разделяя объекты мира на высокие, средние и низкие, риторика обнаруживает и углубляет соответствующую трехчленную иерархию синонимических средств языка (высокий, средний и низкий стили) и предписывает определенную стратегию выбора стилей в рамках единого языка. Однако эта риторическая система не универсальна, напротив, она представляет собой элемент конкретной культурно-языковой ситуации. Культурам иного типа соответствуют иные риторические системы. Принципиально иной риторической системой, по мысли Р. Лахманн, явилась бы (будь она написана) риторика, соответствующая церковнославянско-русскому двуязычию (или, в более точной терминологии, диглоссии) Киевской, а затем Западной и Московской Руси: это была бы дихотомическая теория. Таким образом, Риторика Макария не отражала коммуникативной практики Московской Руси (или ее северно-западных центров) первой половины XVII века; по отношению к реально сложившейся диглоссной ситуации она была чужой. Не случайно в стилистической главе Риторики «О тройных родѣхъ глаголанія» отсутствует иллюстративный материал, который мог бы продемонстрировать языковое содержание *высокого, мѣрного и смиренного* стилей. Вместе с тем появление Риторики имело свои причины: Р. Лахманн видит их в потребностях «централизации и гомогенизации коммуникативной системы» в государственной культуре, тяготеющей к абсолютизму. Во время своего создания Риторика Макария имела значение чисто теоретической предписывающей программы «должной» организации единой коммуникативной системы.

В дополнение к тезису Р. Лахманн об отсутствии непосредственной связи между коммуникативной практикой Московской Руси и риторической теорией Макария можно указать на изолированность Риторики Макария в предшествующей и современной ей восточнославянской книжно-письменной учености, притом что в целом старинная филологическая литература (буквари, словари, грамматики) характеризуется отчетливой внутрижанровой преемственностью (ср., например, методологическое единство в ареале *Slavia Orthodoxa* грамматической литературы; основой этого единства было учение о восьми частях речи, в той или иной мере известное славянам уже в первые века славянской письменности⁵ и сохранявшее актуальность до XVII века).

Риторическая традиция церковнославянской книжности формировалась под значительным византийским влиянием. Собственно теория риторического или «украшенного» слова представлена славянским переводом статьи Георгия Хировоска «О образѣхъ» (известным по «Изборнику» Святослава 1073 года), в котором толковались 27 тропов и фигур. По всей вероятности, это учение было не вполне адаптировано к условиям ранней славянской книжности, поэтому «О образѣхъ» остается достаточно изолированным памятником. Позже, впрочем, те же категории, но в другом терминологическом обличье возрождаются в «Образном синтаксисе» Мелетия Смотрицкого, затем в риториках Киево-Могилянской коллегии и последующих руководствах по красноречию у восточных славян. Что касается XV — XVI веков, то в это время осмысление и регламентация риторической (функционально-стилистической) практики происходили не в теоретических трактатах, но путем составления текстов-образцов различного содержания. В Византии первые сборники образцов посланий и распоряжений появляются в первой половине X века; к XIV—XV векам относится расцвет нормативной византийской эпистолографии. Южно- и восточнославянские эпистоларии (в русской традиции *письмовники*) появляются в XV веке.

Один из наиболее полных сводов образцов разнообразных посланий, грамот, приветствий (дифференцированных в зависимости от адресата

и адресанта — от митрополита, епископа, игумена к патриарху, царю, митрополиту, духовнику, монастырской братии; в зависимости от содержания — грамоты прощальные, жалованные, докончальные) был включен в Великие Четьи Минеи (за август) митрополита Макария (середина XVI века). А. С. Орлов указывал на распространенность в XVI веке руководства «Сказание начертания эпистолия», в котором содержались обязательные формы переписки с духовными и светскими иерархами, с родственниками, согражданами, учителями, друзьями и недругами, словом — «формы посланий ко всякому человеку»⁶. В XVII веке появляются руководства по устной публичной речи, церковной и светской: таковы гомилетика Иоанникия Галятковского (три издания: Киев, 1659, 1663; Львов, 1665), включавшая теоретическое руководство к составлению проповедей («Ключь разумѣнія...») и образцы проповедей («Казаня, приданыи до книги Ключь разумѣнія»); сборники образцов речей в западнорусской шляхетной культуре (ср. заглавия некоторых рубрик в одном из них, описанном Х. М. Лопаревым: *Како витаються друзи в привѣтствовании; Како благопривѣтствовати коронному канцлеру; Како воины порицаются пред гетманом*⁷); «привѣтства к родителем и благодѣтелем», «привѣтства» по случаю различных праздников в многочисленных московских печатных букварях. Московские рукописные азбуки нередко содержали образцы деловой письменности. Так, Азбука 1643 года включает полный титул царя Михаила Федоровича, «память» приставу, челобитную, заемную кабалу, образец частного письма. Известны аналогичные азбуки времен Алексея Михайловича, Иоанна и Петра Алексеевичей. Рукописные сборники образцов речей и посланий на разные случаи, относящиеся к XV—XVII векам описаны или указаны также А. Ф. Бычковым, А. С. Деминим, Т. Н. Протасевой, В. А. Сметаниным и другими исследователями⁸. Культура письмовников достигает расцвета в XVIII веке, однако XIX век постепенно преодолевает ее шаблонизирующее влияние. В целом сохранилось около 170 письмовников XVI—XIX веков, среди которых популярные в Петровскую эпоху «Приклады како пишутся комплементы разные... поздравительные и сожалѣтельные и иные такожде между сродников и приятелей» (М., 1708, 1712); знаменитый «Письмовник» Н. Г. Курганова (1-е изд. 1769 г., 18-е 1837 г.), по разнообразию своего филологического содержания далеко выходящий за пределы эпистолярного жанра.

Таким образом, нормирование коммуникативно-риторической практики в восточнославянской традиции до XVIII века осуществлялось главным образом благодаря циркуляции образцовых текстов, в том числе текстов, специально создаваемых в качестве речевых эталонов. В Риторике Макария представлен принципиально иной подход к нормированию риторической практики: путем кодификации правил построения нормативных текстов. Правила задавались систематизацией средств «возбуждения страстей», способов «расположения» и «украшения слова», перечислением «родов речей», «видов риторических слов» и т. д., что в совокупности составило некоторую риторическую теорию текста. Появление в начале XVII века риторического руководства, содержащего не примеры образцовых текстов, но правила построения таких текстов, находится в русле одной более общей тенденции в истории восточнославянской книжно-письменной культуры, отмеченной Н. И. Толстым. В XVI—XVII веках развивается новый способ нормирования литературного языка — путем кодификации его норм в грамматиках и словарях. Этот способ нормирования, названный Н. И. Толстым «грамматическим», дополнил (но отнюдь не вытеснил) сложившийся прежде подход к нормированию — «текстовый», который заключался в филологической обработке древних, преимущественно канонических текстов⁹. Традиционные руководства по риторике (письмовники, образцы речей) соответствовали текстовому подходу к нормированию коммуникативной практики, Риторика Макария — кодифицирующему. С этим отчасти свя-

зана изолированность Риторик Макария от предшествующих и современных ей риторических руководств.

Если же говорить о влиянии Риторик Макария на последующую риторическую литературу, то есть основания думать, что содержащиеся в ней латинские риторические категории, которым еще не были найдены языковые славянские соответствия, оказались слишком абстрактными и далекими от филологических запросов восточнославянской культуры в первой половине XVII века. Характерно, что в литературе Московской Руси после Риторик Макария до конца XVII века не известны аналогичные руководства, но зато появляются сочинения, подготавливающие почву для риторических систем. Таков аллегорический трактат середины XVII века, в котором риторика уподобляется мудрому царю, а категории и подразделения риторики — его подданным (начало трактата, известного под разными заглавиями: *«Царь нѣкий обрѣте землю удобну...»*¹⁰). Другой рукописный трактат «О риторике похвала и сказание» содержит эмфатический панегирик от лица самой риторики (*«Аз есмь риторика доброголаголиваго и яснозрительнаго разумения...»*); в третьем похвалу риторике произносит персонифицированная диалектика¹¹. К подобным метариторическим текстам относится и популярная в последней четверти XVII века компиляция Николая Спафария «Книга избранная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах», в III главе которой говорилось о «втором свободном художестве» — риторике¹².

Из риторик, созданных в Московской Руси на рубеже XVI—XVII веков (греческая риторика Иоанникия Лихуда, славянский перевод риторики Софрония Лихуда, риторика Козмы, переработки «Великой науки» Раймонда Люллия, так называемая риторика Михаила Усачева), только последняя связана с Риторикой Макария. Риторика 1699 года, связанная с именем М. И. Усачева, повторяет структуру Риторик Макария, но более пространна в толковании риторических понятий. В главе о трех стилях, как и в Риторике Макария, отсутствует иллюстративный материал, который мог бы раскрыть собственно языковое содержание риторических категорий¹³. По-видимому, риторическая система в учебнике Усачева сохраняла, вслед за Риторикой Макария, характер абстрактной теории, не связанной непосредственно ни с современной ей традицией риторических руководств (письмовников, греко-славянских риторик, люллианской литературы), ни с языковой практикой Московской Руси на рубеже веков.

Если же говорить о влиянии Риторик Макария на латинские риторики Киево-Могилянской коллегии или на последующие русские риторики XVIII века, то наличие такого влияния требует специальных доказательств. Общность многих понятий в этих риториках бесспорна. На этом основании Д. С. Бабкин считал, что Феофан Прокопович включил главу из Риторик Макария в свой курс 1706 года, а «Ломоносов на основе этих материалов разработал свое известное учение о трех «стилях»¹⁴. На основании этих же совпадений в риторических категориях Р. Лахманн рассматривает Риторику Макария как теоретический регулятор последующих коммуникативных исканий социума и допускает, что Риторика «в качестве метатекста могла стать началом собственной традиции текстов»¹⁵.

Однако достаточно ли в данном случае одного совпадения риторических понятий, чтобы считать доказанным влияние Риторик Макария на риторику Прокоповича и Ломоносова? В силу исключительно высокой степени преемственности в европейской риторической традиции, по-видимому, невозможно отделить влияние конкретного памятника (данной рукописной риторики, известной в семи списках) от влияния всей мощной риторической традиции, актуальной до конца эпохи классицизма. Случайно ли, что Риторика Макария не упоминается в работах А. М. Панченко и С. Матхаузеровой?¹⁶ Очевидно, у исследователей не было фактов, доказывающих релевантность именно данного памятника

в литературно-эстетических исканиях XVII века. Еще сложнее говорить о влиянии памятника на теорию и практику XVIII века. Есть факты, говорящие о том, что Ломоносов знал риторический курс профессора Киево-Могилянской академии Порфирия Крайского — текст этого курса, переписанный частично рукою Ломоносова, хранится в Государственной библиотеке СССР; есть доказательства знакомства Ломоносова с риторическими сочинениями Лонгина (в переводе Буало), Коссена, Помея и современников Гартмана, Готшеда¹⁷. Но остается неизвестным, знал ли Ломоносов о Риторике Макария. Что могло бы доказать известность Риторике Макария Симеону Полоцкому, Феофану Прокоповичу или Федору Поликарпову (переведшему «*Manus rhetorica*» Стефана Яворского) или Ломоносову? Только факты — например, особенный оборот Риторике Макария, повторенный через десятилетия...

Одно из главных достоинств исследования Р. Лахманн о Риторике Макария состоит в сочетании позитивного анализа памятника с его теоретическим (культурно-семиотическим) осмыслением. Однако отдельные тезисы автора представляются дискуссионными. Логика теоретических построений увлекает и порой приводит к оппозициям слишком четким и категоричным, для того чтобы быть реальными. Таков, на мой взгляд, тезис Р. Лахманн об изменении в XVII веке типа русской культуры: «культура текста» сменяется «культурой правил», с чем связано, в частности, появление свода коммуникативных правил — Риторике Макария. Сформулированная оппозиция «культура текста — культура правил» является, очевидно, более общей, чем указанное Н. И. Толстым противопоставление текстового и кодифицирующего подходов к нормированию литературного языка. Однако остается неясным, какие черты культуры релевантны в данном случае. Например, если считать, что в области права «культура текста» опирается исключительно на прецеденты («тексты») и не кодифицирует законы («правила»), то такое понимание «культуры текста» окажется, разумеется, узким применительно к русской культуре до XVII века. Если же ограничивать оппозицию «культура текста — культура правил» областью филологии, то в этом случае трудно говорить о смене типов культур, поскольку новый кодифицирующий подход к нормированию языковой практики не отменил регламентирующих функций образцовых текстов. Оба подхода сосуществуют, при этом в сфере риторики «тексты» всегда обладали самодовлеющей ценностью (ср. сказанное выше о традиции письмовников; ср. самостоятельное нормативно-обучающее и эстетическое значение иллюстративного материала в гомилетике Галятовского, риторике Прокоповича, «Кратком руководстве к красноречию» Ломоносова). Таким образом, явившись первым в восточнославянской культуре сводом риторических «правил», Риторика Макария отнюдь не означала обрыва традиции «текстов». Другой вопрос, что на Руси начала XVII века эти заимствованные из латинских риторик правила оказались достаточно далеки от филологических проблем социума. Вместе с тем несомненно, что Риторика Макария способствовала развитию общеевропейских представлений в книжно-письменной культуре восточного славянства.

Говоря о культурном значении Риторике Макария, следует подчеркнуть еще один аспект, выходящий за пределы филологии, — ее логико-психологическую и философскую содержательность. Классическое *inventio* ('нахождение, изобретение, открытие') Цицерона, Квинтилиана и всей европейской риторической традиции; *изобретение* в Риторике Макария; *правила распространения темы* в гомилетике Галятовского; *формы поучения* и *правила расположения доводов* в русских люллианских риториках; *изобретение идей* и *расположение* в последующих риториках от Ломоносова до Кошанского — все это было в первую очередь школой мышления, техникой «открытия» всех пластов содержания в теме, «изобретения» доводов и доказательств, техникой-искусством убеждать. Логико-психологический и философский аспекты риторик составляют их основное содержание; в первую очередь с этим связана не-

обыкновенная популярность риторик в различных культурных традициях до тех пор, пока содержание риторик не оказывалось распределенным между комплексом дисциплин.

¹ См.: Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума.—СПб., 1842, с. 238; Архимандрит Савва [Тихомиров]. Указатель для обозревания Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки.—М., 1858, с. 227; Погорелов В. А. Библиотека Московской синодальной типографии. Ч. 1. Рукописи. Вып. 2. Сборники и лексиконы.—М., 1899, с. 23; Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Библиографические материалы.—СПб., 1903, с. 118; Бабкин Д. С. Русская риторика начала XVII в.—ТОДРЛ, т. VIII, 1951.

² См.: Вомперский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей.—М., 1970, с. 184.

³ Die Makarj-Rhetorik. Herausgegeben von Renate Lachmann.—Slavistische Forschungen, 27/1. Böhlau: Köln, Wien, 1980. (Einleitung—S. 1—74; Reproduction der Handschrift—S. 75—166).

⁴ Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка.—М., 1958, с. 120—121.

⁵ См.: Супрун А. Е. Славянская филологическая мысль XI—XII веков как часть культуры древней Славии.—В кн.: Славянские культуры и мировой культурный процесс.—Минск, 1984.

⁶ Орлов А. С. Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды.—Докл. АН СССР. Серия В, 1931, № 3, с. 49.

⁷ См.: Лопарев Х. М. Описание рукописей императорского Общества любителей древней письменности. Ч. I.—СПб., 1892, с. 212.

⁸ См.: Бычков А. Ф. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки. Ч. I.—СПб., 1882, с. 167, 345; Демин А. С. Вопросы изучения русских письмовников XV—XVII вв. (Из истории взаимодействия литературы и документальной письменности).—ТОДРЛ, т. 20, 1964; Протасьева Т. Н. Описание рукописей синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Ч. I, № 577—819.—М., 1970, с. 206; Метаннин В. А. Эпистолография.—Свердловск, 1970.

⁹ См.: Толстой Н. И. Взаимоотношения локальных типов древнеславянского (литературного) языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.).—В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963, с. 259.

¹⁰ См.: Карпов А. Б. Азбуковники, или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки.—Казань, 1878, с. 155; Соболевский А. И. Указ. соч., с. 118; Бабкин Д. С. Указ. соч., с. 334.

¹¹ Напечатаны в работе: Бабкин Д. С. Указ. соч., с. 335.

¹² Издана в кн.: Николай Спафарий. Эстетические трактаты.—Л., 1978.

¹³ Глава напечатана в кн.: Вомперский В. П. Указ. соч., с. 188.

¹⁴ Бабкин Д. С. Указ. соч., с. 353.

¹⁵ Die Makarj-Rhetirik... Einleitung, S. 60.

¹⁶ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века.—Л., 1973; Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова.—Прага, 1976.

¹⁷ См.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. VII. Труды по филологии 1739—1758 гг.—М.-Л., 1952, с. 790.

НГУЕН ТХИ ХОАИ НЯН

ВЬЕТНАМСКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКИХ ТЕКСТАХ

Начавшееся более тридцати лет тому назад и непрерывно развивающееся и крепнущее экономическое, политическое и культурное сотрудничество между советским и вьетнамским народами сопровождается взаимодействием русского и вьетнамского языков. За этот период во вьетнамский язык вошли некоторые русские слова, отражающие советскую действительность: *большевик, комсомол, рубль, БАМ, казак, луноход* и другие. В свою очередь наблюдается определенное влияние и вьетнамского языка на русский, сказывающееся прежде всего на употреблении в русских текстах о Вьетнаме лексики вьетнамской, обозначающей реалии данной страны.

Русские тексты на вьетнамскую тематику состоят из оригинальных и переводных. К оригинальным относятся очерки, репортажи, публицистические статьи советских писателей, журналистов и других деятелей культуры Советского Союза, написанные в результате посещения Вьет-